

Мартъ 98 г.

Удостоверенъ въ
гариб. книжн. (Б. П.)
15.11.98 г.

XVII/83

Глубоко уважаемому
профессору Карышеву
каждому нашему
автору
1898
19

ТБЛ S $\frac{109}{110}$

В. Ермиловъ.

ВЪ БОРЬБѢ СЪ РУТИНОЙ.

Типографія Высочайше утвержд. Г-емъ И. Д. Сытине.
МОСКВА.—1898.

Вопросы книги и жизни.

По поводу съѣзда дѣятелей по техническому и профессиональному образованію. — Къ вопросу о задачахъ народнаго театра. — „Борисъ Годуновъ“, разыгранный крестьянскою труппой, и отзывы крестьянъ о пьесѣ. — Письмо народной учительницы къ автору. — Г-жа Сѣрова о музыкальныхъ талантахъ русскаго народа. — Деревенскій хоръ и солисты, исполнители классическихъ русскыхъ оперъ. — Музыкально-литературные вечера для народа въ Германіи. Разсказъ г. Короленко „Въ дурномъ обществѣ“ и его педагогическое значеніе.

Давно не было такого общественнаго оживленія, какъ во время недавняго съѣзда дѣятелей по техническому и профессиональному образованію. Москвичи съ радостнымъ удивленіемъ выслушивали горячія рѣчи дѣятелей народнаго образованія, которые съѣхались къ намъ съ разныхъ концовъ Россіи. Слушая эти рѣчи, мы убѣждались, что у всѣхъ друзей школы одиѣ и тѣ же цѣли, одни и тѣ же идеалы, и что всѣ они уже давно объединены внутренне, и лишь ожидали случая обмѣняться мыслями. Говорили и о всеобщемъ обученіи, и объ улучшеніи быта учителей, и о значеніи педагогическихъ съѣздовъ, и т. д.

Горячіе споры вызвалъ и модный вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли во всякой начальной школѣ обучать сельскому хозяйству. Совершенно основательно большинство присоединилось къ тому мнѣнію, что нежелательно и невозможно на учителя народной школы, и безъ того обремененнаго огромнымъ количествомъ, прямо сказать, непосильныхъ занятій, взваливать еще новую и серьезную обязанность, которая, къ тому же, требуетъ и особой подготовки. Что народная школа — общеобразовательное учрежденіе, и введеніе въ курсъ ея специальныхъ предметовъ неминуемо повредитъ главной цѣли.

Въ ряду вопросовъ, которые до сихъ поръ мало еще были изучены нашей печатью, съ особеннымъ оживленіемъ на съѣздѣ подвергался обсужденію вопросъ объ эстетическомъ развитіи народа. Въ одной изъ книжекъ журнала „Образованіе“ помѣщены двѣ статьи, относящіяся къ этому новому и интересному вопросу, и обѣ онѣ заслуживаютъ вниманія. Г. Тимковскій разсматриваетъ образовательное значеніе народнаго театра. Онъ справедливо считаетъ сцену важнымъ подспорьемъ къ школьному дѣлу: поставленная

таль при изученіи того или иного явленія, вдумывается онъ въ каждый поступокъ своего дитяти. Онъ долженъ подражать добросовѣстному врачу, для котораго лѣчить въ то же время значитъ прислушиваться, приглядываться, измѣрять, взвѣшивать, соображать, пробовать, сличать и записывать каждый свой шагъ, каждый результатъ того или иного средства, къ которому онъ прибѣгнулъ съ цѣлью улучшить состояніе своего пациента. Все это требуетъ огромныхъ усилій и заботъ, труда и самоотреченія, находчивости и серьезныхъ знаній. „Общепризнанной слѣдовало бы стать той истинѣ“, говоритъ Спенсеръ, „что самая высшая ступень въ умственномъ развитіи всякаго мужчины или женщины можетъ быть достигнута лишь посредствомъ надлежащаго отправленія родительскихъ обязанностей“.

Мы не знаемъ дѣтей. Мало того: едва ли мы ими въ достаточной степени интересуемся. Въ самомъ дѣлѣ, мы ихъ ласкаемъ, мы ихъ балуемъ, мы ихъ наказываемъ и порицаемъ, но входимъ ли мы во внутреннія причины каждаго ихъ поступка? Вникаемъ ли мы въ душевную ихъ жизнь, — въ тѣ вопросы, думы, сомнѣнія и мечтанія дѣтей, которые такъ украшаютъ ихъ жизнь, подчасъ и такъ мучаютъ ихъ юныя головы? Каждому кажется, что онъ отлично понимаетъ ребенка, что ему нечего много работать надъ изученіемъ дѣтской психологіи, того, что называется разнообразіемъ дѣтскихъ натуръ и т. п. Грустно сознаться, а между тѣмъ это фактъ, что у насъ въ Россіи почти не существуетъ такихъ кружковъ и обществъ, которые посвятили бы себя изученію вопросовъ воспитанія. Да и въ тѣхъ двухъ-трехъ кружкахъ, такъ называемыхъ родительскихъ, которые существуютъ по преимуществу въ столицахъ и которые, по крайней мѣрѣ, извѣстны пишущему эти строки, всегда чувствуется, что каждый участникъ какъ-то робко, нерѣшительно, узко и не всегда компетентно, а въ большинствѣ случаевъ дилетантски высказываетъ свое сужденіе по этимъ вопросамъ. Дѣло въ томъ, что прежде, чѣмъ воспитывать, слѣдовало бы познакомиться съ душевною жизнью ребенка. А между тѣмъ, изъ всѣхъ наукъ этотъ предметъ менѣе всего изученъ и обоснованъ. Дѣтская психологія — наука будущаго. Факты, на которыхъ она будетъ въ послѣдствіи построена,

изучаются въ настоящее время очень мало и разрозненно. Имена лицъ, работавшихъ по этой части, извѣстны наперечетъ: Дарвинъ. Кусмауль, Прейеръ, Пэрэ и нашъ соотечественникъ д-ръ Сикорскій, да еще два-три имени. — вотъ и все. Каждый мыслящій родитель и воспитатель, способный къ педагогическому дѣлу и обладающій достаточной наблюдательностью, нравственно обязанъ вести дневникъ своихъ наблюденій и дѣлиться ими съ другими родителями. Дѣлу усвоенія дѣтской психологій не мало оказала бы помощи и наша художественная литература. Среди выдающихся писателей-беллетристовъ встрѣчаются страстные поклонники и друзья дѣтей, которые любятъ ихъ изучать и про нихъ писать. Особенно много матеріала далъ бы въ этомъ отношеніи графъ Л. Н. Толстой. Есть много интересныхъ картинъ и въ произведеніяхъ С. Аксакова, Тургенева, Гончарова и друг. Достоевскій знакомитъ насъ съ патологическими явленіями дѣтской души — съ типами дѣтей страдающихъ, угнетенныхъ, больныхъ самолюбіемъ, преждевременныхъ пессимистовъ и т. п. И многіе изъ современныхъ беллетристовъ съ большимъ талантомъ открываютъ намъ тайники дѣтской души, какъ Маминъ-Сибирякъ. Короленко, Альбовъ и другіе. Укажемъ и еще на одного писателя, который за послѣднее время пріобрѣлъ крупную извѣстность. Это нашъ молодой художникъ, А. П. Чеховъ. Позволю себѣ остановиться на его книгѣ, — „Нестрые рассказы“. Среди совершенно легкихъ, мѣстами просто анекдотическихъ, рассказовъ есть тутъ двѣ интересныя вещицы, обнаруживающія въ авторѣ тонкаго знатока дѣтской души. Это рассказы: „Дѣтвора“ и „Кухарка женится“. Въ первомъ изъ нихъ изображаются нѣсколько дѣтскихъ типовъ. Каждый ребенокъ проявляетъ свою натуру уже въ одномъ своемъ отношеніи къ игрѣ. Авторъ подмѣтилъ эти особенности, неуловимыя для большинства, чрезвычайно удачно. При такой наблюдательности можно объ иныхъ дѣтяхъ безошибочно сказать, что ихъ ожидаетъ въ будущемъ, что изъ нихъ выйдетъ. Вотъ маленькій, девятилѣтній Гриша, съ пухлыми щеками и съ жирными, какъ у негра, губами. Онъ играетъ въ лото исключительно изъ-за денегъ. Это, вѣроятно, будущій матеріалистъ. „Страхъ, что онъ можетъ не выиграть, зависть и финансовыя соображенія, наполняющія его стриженую голову, не даютъ ему сидѣть покойно, сосредоточиться. Вертится онъ,

какъ на иголкахъ. Выигравъ, онъ съ жадностью хватаетъ деньги и тотчасъ же прячетъ ихъ въ карманъ“. Восемилѣтняя Аня, съ острымъ подбородкомъ и умными, блестящими глазами, тоже боится, чтобы кто-нибудь не выигралъ. Она краснѣетъ, блѣднѣетъ и зорко слѣдитъ за игроками. Ея интересуютъ не деньги. Счастье въ игрѣ для нея—вопросъ самолюбія. Шестилѣтняя Соня—человѣкъ, совершенно безкорыстный. Она играетъ въ лото ради процесса игры. По лицу ея разлито умиленіе. Кто бы ни выигралъ, она одинаково хохочетъ и хлопаетъ въ ладоши. „Алеша, пухлый, шаровидный карлузикъ, пыхтитъ, сопить и пучить глаза на карты. У него ни корыстолюбія ни самолюбія. Не гонять изъ-за стола, не укладываютъ спать,—и на этомъ спасибо. По виду онъ флегма, но въ душѣ порядочная бестія. Съѣлъ онъ не столько для лото, сколько ради недоразумѣній, которыя неизбѣжны при игрѣ. Ужасно ему пріятно, если кто ударить или обругаетъ кого“. А вотъ и будущій философъ, мыслитель, а, можетъ-быть, и мечтатель. Это кухаркинъ сынъ Андрей. Онъ задумчиво глядитъ на цифры. Ему неинтересно знать, кто выиграетъ. Онъ занятъ идеей: „Сколько на этомъ свѣтѣ разныхъ цифръ, и какъ это онѣ не перепутаются!“

Если вникнуть во все психическое разнообразіе этой дѣтской группы, то мыслящій родитель придетъ къ убѣжденію, что каждый изъ этихъ индивидуумовъ требуетъ за собою особаго ухода, особыхъ пріемовъ воспитанія. Такъ, въ „матеріалистѣ“ Гринѣ слѣдуетъ всячески искоренять любовь къ деньгамъ: запретить ему игру на интересъ, а направлять вниманіе на тѣ игры, которыя лишены всякаго корыстнаго побужденія, и развивать чувства любви къ людямъ и желаніе помогать имъ и дѣлать добро. Другое самолюбіе Ани слѣдуетъ всячески умѣрять и т. д. Вообще, въ играхъ, въ томъ, какъ къ нимъ относятся дѣти, легко обнаруживаются ихъ характеры, страсти, пороки и добродѣтели.

Другой разсказъ Чехова, „Кухарка женится“, показываетъ, какой сложный процессъ размышленія разыгрывается у дѣтей при столкновеніи съ жизнью взрослыхъ. Какая-нибудь мелочь среди повседневныхъ явленій останавливаетъ на себѣ ихъ вниманіе и вызываетъ въ ихъ головѣ цѣлый рой мыслей, догадокъ, выводовъ и обобщеній. Молча, не раздѣляя ни съ кѣмъ своихъ фантазій и сомнѣній, ребенокъ приходитъ къ самымъ нѣжнымъ выво-

дамъ, которые могутъ иногда вредно отразиться на его поведеніи и на всей дальнѣйшей его жизни. Благо тому родителю, который умѣетъ осторожно подойти ко всѣмъ этимъ дѣтскимъ вопросамъ, вызвать ребенка на полную, душевную откровенность и дать отвѣтъ на все его тревожные вопросы! Вотъ семилѣтній Гриша, съ его одинокою внутреннею жизнью, наталкивается на непонятныя для него явленія и, не встрѣчая ни въ комъ изъ взрослыхъ вниманія къ своей умственной жизни, собственными силами старается рѣшить безпокоящіе его вопросы. Онъ размышляетъ: „Кухарка женится... Странно. Не понимаю, зачѣмъ это жениться? Мамаша женилась на папашѣ, кузина Вѣрочка — на Павлѣ Андреичѣ. Но на папѣ и Павлѣ Андреичѣ, такъ и быть ужъ, можно жениться: у нихъ есть золотыя цѣпочки, хорошіе костюмы, у нихъ всегда сапоги чищенные; но жениться на этомъ страшномъ извозчикѣ съ краснымъ носомъ, въ валенкахъ... фи! И почему это нянькѣ хочется, чтобы бѣдная Пелагея женилась?“

Сколько тутъ наивнаго! И сколько пищи для воспитательнаго воздѣйствія на умъ ребенка! Надо только пойти навстрѣчу любознательности ребенка, дать ему отвѣтъ на его вопросъ, и вы зароните въ его головѣ сѣмена добрыхъ мыслей и благородныхъ чувствъ. Вы видите, что у ребенка уже явились зародыши любви къ роскоши, къ золоту, къ изысканному костюму, зародыши презрѣнія къ бѣдному люду, къ простому одѣянію и т. п. Изъ всего этого могутъ со временемъ вырасти дурныя чувства и вредныя мысли: надо предупредить ихъ въ самомъ началѣ. Если вы заслужили довѣріе вашего воспитанника, то онъ вполне отдастся вашему вліянію и будетъ всегда дѣлиться съ вами своими мыслями и слушать ваши объясненія по поводу своихъ недоумѣній.

Однако, далеко не легкая вещь — умѣнье разговаривать съ ребенкомъ такъ, чтобы онъ васъ понималъ и сознавалъ значеніе того, что вы ему внушаете. Г. Чеховъ очень наглядно иллюстрируетъ эту мысль однимъ изъ своихъ очерковъ, помѣщенныхъ въ другой его книгѣ, называемой „Въ сумеркахъ“. Здѣсь изображается отецъ, советѣмъ не умѣющій вразумительно говорить съ своимъ сыномъ, несмотря на свой интеллигентный умъ, образованность и присутствіе ему, какъ прокурору, даръ убѣждать людей. Разсказъ стоитъ того, чтобы его напомнить читателямъ. Мальчикъ былъ пойманъ гувернанткой въ куреніи табаку. Отецъ призыва-

еть его и спрашиваетъ его, правда ли, что онъ курить? Ребенокъ искренно и смѣло заявляетъ ему, что это правда, онъ *одинъ разъ* курилъ. Не видя въ этомъ поступкѣ ничего особенно постыднаго, мальчикъ и не думаетъ отъ него отрекаться. Но отецъ смотритъ на это иначе. Кромѣ проступка, заключающагося въ самомъ куреніи, онъ уличаетъ сына еще во лжи. Онъ припоминаетъ, что, по словамъ гувернантки, Сережа (такъ звали этого мальчика) былъ пойманъ въ куреніи не одинъ, а два раза. И ему кажется, что мальчикъ намѣренно скрылъ отъ него о второмъ случаѣ. А ребенокъ, какъ оказывается, просто забылъ и, когда отецъ ему напомнилъ, то онъ съ чисто дѣтскою правдивостью и доброю улыбкой воскликнулъ: „Ахъ, да-а! Это вѣрно, вѣрно! Я два раза курилъ: сегодня и прежде“. Но отецъ, съ добросовѣстностью истаго юриста, насчитываетъ въ поведеніи ребенка сразу три проступка: курилъ, взялъ изъ стола *чужой* табакъ и солгалъ.

Первая безтактность дѣловитаго папани заключается въ наговариваніи на родного сына такого серьезнаго проступка, какъ *ложь*, и притомъ безъ всякаго основанія. Нечего и говорить, насколько такое наговариваніе вредно. Оно убиваетъ самолюбіе ребенка: разъ его принимаютъ за лжеца, онъ и самъ въ концѣ концовъ начинаетъ такъ смотрѣть на себя. Это — въ своемъ родѣ самовнушеніе. Кромѣ того, несправедливое приписываніе ребенку разныхъ винъ можетъ развить въ немъ чувство озлобленія.

Еще менѣе разумно было обвинять мальчика въ присвоеніи чужой собственности. Семилѣтній Сережа рѣшительно не могъ понять этого обвиненія. Г. Чеховъ хорошо подмѣтилъ это взаимное непониманіе между взрослымъ человѣкомъ и ребенкомъ. Отецъ объясняетъ сыну, что каждый человѣкъ „имѣетъ право“ пользоваться только своимъ добромъ. „У тебя есть лошадка и картинки... Вѣдь я ихъ не беру? Можетъ-быть, я и хотѣлъ бы ихъ взять, но... вѣдь они не мои, а твои!“ А ребенокъ огорошиваетъ его отвѣтомъ: „Возьми, если хочешь!“ Да еще прибавляетъ: „Ты, пожалуйста, папа, не стѣсняйся, бери! Эта желтенькая собачка, что у тебя на столѣ, моя, но вѣдь я ничего... Пусть себѣ стоитъ!“

Такимъ отвѣтомъ дитя совсѣмъ обезоружило отца. Поддѣливаясь подъ дѣтскій языкъ, онъ началъ снова растолковывать, что такое собственность. Мальчику это было очень неинтересно, онъ

скоро отвлекся отъ слушанія отцовской рѣчи, сталъ блуждать глазами по окружающимъ предметамъ и вдругъ нарушилъ плавную рѣчь отца совѣтъ ненужнымъ вопросомъ: „Папа, изъ чего дѣлается клей?“ Но отецъ не хотѣлъ уступить такому малодушю ребенка и продолжаетъ свои наставленія. Онъ уже приступилъ къ рѣчи о вредѣ куренія табака и привелъ къ примѣру дядю Игнатія, который много курилъ и оттого умеръ, какъ вдругъ упоминаніе о дядѣ навело мальчика на новый рядъ мыслей, и онъ останавливаетъ отца словами: „Дядя Игнатій хорошо игралъ на скрипкѣ. Его скрипка теперь у Григорьевыхъ“. И ребенокъ крѣпко призадумался, но только не о вредѣ табака. Призадумался и его наставникъ. Въ самомъ дѣлѣ, что сдѣлать, чтобы вызвать въ ребенкѣ чувство вины и сознаніе долга? Какимъ способомъ объяснить ему, что хорошо и что дурно? Размышляя объ этомъ трудномъ вопросѣ, онъ сталъ ходить по комнатѣ, а тѣмъ временемъ въ головѣ Сережи быстрымъ потокомъ пробѣжали мысли одна за другой самаго разнообразнаго рода. Вотъ онъ взобрался съ ногами на стулъ сбоку стола, началъ рисовать, потомъ сталъ рассказывать о томъ, что кухарка порѣзала себѣ палецъ, что за обѣдомъ во дворъ зашелъ шарманщикъ и т. д.

Тогда прокуроръ пришелъ къ выводу, что у мальчика въ головѣ лежитъ совершенно своеобразный міръ мыслей, очень отличный отъ нашего. „Чтобы овладѣть его вниманіемъ и сознаніемъ“, — думалъ юристъ, — „не достаточно подтасовываться подъ его языкъ, но нужно также умѣть и мыслить на его манеръ. Онъ отлично бы понялъ меня, если бы мнѣ въ самомъ дѣлѣ было жаль табака, если бы я обидѣлся, заплакалъ... Поэтому-то матери незамѣнимы при воспитаніи, что онѣ умѣютъ заодно съ ребятами чувствовать, плакать, хохотать... Логикой же и моралью ничего не подѣлаешь“.

И этотъ выводъ не совѣтъ справедливъ. Конечно, наша логика и мораль не всегда понятны дѣтямъ. Но не къ чему подлаживаться подъ пониманіе ребенка, притворяясь плачущимъ, чтобы его разжалобить, и т. п. Притворство дѣти умѣютъ инстинктивно отличать отъ правды и вскорѣ перестаютъ во всемъ вѣрить тѣмъ лицамъ, которыя ихъ обманывали раньше.

Читая весь этотъ разговоръ между отцомъ и сыномъ, такъ и думаешь, не присутствовалъ ли при этой сценѣ Мефистофель и не

внушилъ ли онъ автору весь этотъ злой его юморъ, съ которымъ онъ отмѣчаетъ одну за другой цѣлую кучу педагогическихъ промаховъ отца, становя его поминутно въ самыя комическія, въ самыя глупыя положенія передъ маленькимъ семилѣтнимъ существомъ: „Послушай“, — говоритъ прокуроръ, — „дай мнѣ честное слово, что ты больше не будешь курить“. Мальчикъ, которому недоступно пониманіе такой клятвы во всей серьезной силѣ ея значенія и ея обязательности, совершенно машинально, нараспѣвъ, отмѣчаетъ: „Че-стное сло-во! во! во!“ Такихъ тонкихъ, но весьма характерныхъ мелочей, отмѣчающихъ ту или иную психологическую особенность дѣтскаго міра, въ разсказѣ встрѣчается не мало.

Побольше вниманія къ такимъ тонкимъ наблюденіямъ, присущимъ истинно-художественному таланту, и мы обогатились бы интереснымъ матеріаломъ для педагогическихъ правилъ и обобщеній. А какъ много фактовъ изъ дѣтской жизни, фактовъ характерныхъ, наводящихъ на размышленія, находится въ рукахъ родителей, но, къ сожалѣнію, въ разрозненномъ видѣ, безъ связи, безъ системы! Ихъ слѣдовало бы записывать, приводить въ порядокъ, сравнивать наблюденія однихъ съ наблюденіями другихъ, и тогда наука и практика воспитанія далеко бы двинулись впередъ.

Если по вопросамъ воспитанія и существуютъ хотя какія-нибудь данныя, почерпнутыя изъ записи наблюдаемыхъ фактовъ, то по вопросамъ обученія такой работы почти и не начиналось. По поводу народной школы существуютъ статистическія свѣдѣнія о количествѣ учащихся тамъ или тутъ, но для педагога эти факты мало говорятъ. Нельзя, впрочемъ, не отмѣтить интересной брошюры одного изъ усерднѣйшихъ земскихъ изслѣдователей, г. Петрова: „Къ вопросу о постановкѣ учебной части въ начальныхъ народныхъ училищахъ Московской губерніи“. Изъ этой брошюры мы узнаемъ, на что всего болѣе тратятся силы учащихся и учащихся въ видахъ приготовленія послѣднихъ къ полученію свидѣтельствъ. Оказывается, что время отымается на самый, казалось бы, второстепенный предметъ — на орфографію. Экзамниаторы народныхъ школъ всего болѣе облюбовали правописаніе, — за ошибки въ